

ИСТОРИЯ OSTKRAFT

| научное обозрение | www.ostkraft.ru |

| Модест Колеров | Москва | 2020 | №1 |

УДК 94(470) "18/19"
ББК 63.3(2)5
И 90

Редакционная коллегия:
Далибор Денда, Юрий Пуцаев, Кирилл Шевченко.
Ответственный редактор: Модест Колеров

На обложке фото М. Бороздинского

И 90 История. Научное обозрение OSTKRAFT № 1(13).
М. : Модест Колеров, 2020. (www.ostkraft.ru.) 180 с.
ISBN 978-5-905040-51-1

Станислав Смагин

Ральф Хартманн. «Честные маклеры». Германская внешняя политика и гражданская война в Югославии. Некоторые итоги. СПб. : Гйоль, 2018

Одним из побочных положительных эффектов начавшейся в 2014 году новой конфронтации с Западом можно считать издание многих давным-давно вышедших и нашумевших, но ранее российскими издателями невостребованных зарубежных книг, из которых можно понять, что «они» там сами о себе, мире и отчасти о нас думают. Это и «Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США» Герфрида Мюнклера¹, в Германии вышедшая в 2005 г., а до нас дошедшая с десятилетним опозданием, и «Анатомия американского национализма» Анатоля Ливена² (разрыв между выходом на английском и на русском — те же десять с лишним лет), и «Муссон» Роберта Каплана³, задержавшийся, правда, «всего» на пять лет (2010–2015), и многое другое. В этом же ряду менее известная, но ничуть не менее примечательная и достойная внимания книга Ральфа Хартманна ««Честные маклеры». Германская внешняя политика и гражданская война в Югославии. Некоторые итоги». Она повествует о важнейшей и при этом крайне неблагоприятной роли Германии в балканской трагедии девяностых. На немецком книга впервые издана в раз-

¹ Мюнклер Г. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США. М., 2015.

² Ливен А. Анатомия американского национализма. М., 2015.

³ Каплан Р. Муссон. М., 2015.

гар событий вокруг Косово, закончившихся натовскими бомбардировками Сербии, тогда еще бывшей осколком большой Югославии и носившей ее имя. У нас — появилась лишь год назад.

Впрочем, удовлетворение от выхода этих книг несколько омрачается тем, что они явно предназначены «для узкого круга читателей», причем неуклонно сужающегося еще больше. Массы же по-прежнему ориентируют на информацию тщательно подобранную, предельно или вообще запредельно упрощенную, а главное — не провоцирующую лишних вопросов. Темы, которая затронута в книге Хартманна, несмотря на отсутствие прямой связи с Россией, это тоже касается. Ваш покорный слуга на одной телевизионной политической передаче во время обсуждения положения в Сербии, которое сопровождалось бурными проклятиями в адрес американцев, некогда практически единолично разрушивших Югославию, взял слово и деликатно напомнил, что главную роль в ключевой момент разрушения сыграли немцы. Ведущий с очевидной растерянностью уточнил: «Но американцы же присоединились?». Я подтвердил — да, но со значительным опозданием. Присутствовавший эксперт военно-силового толка буркнул, мол, сейчас в Косово крупнейшая американская база, а кто в итоге выгоду получил — тот все с самого начала и затеял. Зрителям этот фрагмент в итоге не показали, видимо, чтобы не рушить черно-бело-звездно-полосатую картину мира.

Между тем, любой, кто еще не совсем потерял память или, опоздав к началу девяностых с общественно-политической зрелостью, способен и готов восстанавливать тогдашние события по источникам, совершенно очевидно: именно «IV Рейх», только что вбравший в себя ГДР, нанес страшный удар по Югославии признанием Словении и Хорватии, а затем и подзуживанием боснийцев. У ООН, Вашингтона и ключевых европейских контрагентов Германии ее возбужденная активность вызывала весьма неоднозначную реакцию, от молчаливой оторопи до явного неудовольствия. Помощник М. Горбачева по международным делам Анатолий Черняев приводит в своей книге «Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991» слова французского президента Миттерана, сказанные им советскому президенту и генсеку в последние недели существования СССР:

«Я как-то обсуждал югославскую тематику с Мейджором [британским премьером того времени]. Он спросил меня, что будет даль-

ше. Я ему ответил: Хорватия, видимо, обратится за помощью к вооруженным силам Германии, Австрии, Венгрии и Турции. Сербия, в свою очередь, аналогичную просьбу адресует Великобритании, России и Франции. Наши вооруженные силы окажутся таким образом в Югославии, и возникнет ситуация, как в начале первой мировой войны в 1914 году»⁴.

Очевидно, что Миттеран сгущал краски и проецировал реалии XX века на иную, в первую очередь по отношениям внутри Западной Европы, ситуацию. Да и Мейджор, как признался мсье Франсуа, несколько удивился его апокалиптическим настроениям. Но все-таки эти настроения родились не на пустом месте.

Название книги Хартманна недвусмысленно отсылает к словам Отто фон Бисмарка, накануне Берлинского конгресса 1878 года заявившего, что в мирном урегулировании по итогам русско-турецкой войны намерен сыграть роль «честного маклера». Итог, приятный практически для всех заинтересованных сторон, кроме турок и, как ни странно, России, известен. Известны и балканские дела на протяжении последующих почти уже полутора веков. А если что неизвестно или, точнее, подзабыто — Хартманн помогает освежить память.

С истинно немецкой добросовестностью автор начинает рассмотрение корней вопроса с периода того самого Берлинского конгресса. В фокусе его внимания не только Германская империя, но и Австро-Венгрия. Поначалу даже в главной роли — как, впрочем, и было в действительности. При описании перипетий последней трети XIX века Хартманн, увы, грешит тем же, в чем я выше укорил отечественный информационно-пропагандистский цех — упрощением картины, пусть и не в клинической степени. Он пишет о «сербофобии венских правителей, имевшей глубокие корни», но не упоминает, что Сербией до переворота 1903 года правила династия Обреновичей, сделавшая страну не просто союзником Вены, а фактически ее протекторатом. Да, широкие круги патриотической общественности подобное положение дел не устраивало, что и стало причиной свержения Обреновичей, но уделить пару строк немаловажному нюансу стоило бы. Да и в XVII–XVIII веках австрийцы и сербы не раз были союзниками в борьбе против турок, пусть это и было очень на-

⁴ Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991. М., 2008. С. 1013

пряженное, неровное союзничество, порой из серии «друг хуже врага».

Рассказав о Первой мировой войне и всем известной роли «сербского фактора» в ней, Хартманн достаточно подробно останавливается и на Второй, когда очередной Рейх, уже объединивший Вену и Берлин, противостоял, в свою очередь, не просто Сербии, а объединенной вокруг нее Югославии. Автор подчеркивает, однако, что основная немецкая неприязнь падала именно на сербов. Доказательства — не только голая практика, но и предшествовавшие ей разнообразные «методические пособия», например, «Руководящие указания в отношении вопросов пропаганды против Югославии». Там, в частности, говорилось:

«Так как сербы всегда осуществляли беспощадную диктатуру в отношении несербских этнических групп Югославии, прежде всего в отношении хорватов и македонцев, по отношению к ним надо продемонстрировать, что германский вермахт приходит в страну к хорватам, боснийцам и македонцам не как враг. Напротив, он хочет их уберечь от того, чтобы их перебили ... сербские шовинисты ...».

Ярчайшей «демонстрацией» такого рода стало создание под немецким патронатом усташского «Независимого государства Хорватия», которое превентивно «перебило сербских шовинистов» от мала до велика на своей территории. Вторым полноправным покровителем усташей, о чем говорит и Хартманн, был Ватикан. К сожалению, тема немецко-папистского сотрудничества в деле разрушения Югославии уже на следующем историческом витке раскрыта в книге крайне слабо — буквально несколькими цитатами, типа высказывания миттерановского министра иностранных дел Ролана Дюма:

«Ответственность Германии и Ватикана за эскалацию кризиса в бывшей Югославии, бесспорно, огромна».

Показательный штрих — Хартманн с огорчением пишет, что в Германии до сих пор очень мало знают о трагедии сербского города Крагуевац, где гитлеровцы казнили несколько тысяч гражданских сербов, хотя о чешском Лидице и французском Орадуре знают все. Учитывая, что в СССР упоминания трех этих трагедий

шли в качестве примера преступлений III Рейха одной строкой через запятую, можно заподозрить, что в Германии, даже современной, со всем ее показным чувством «национальной вины», сербы в иерархии жертв и поводов для покаяния идут ниже французов и чехов. Выше или ниже русских — вопрос открытый. Такой подход, отметим, распространяется на обе мировые войны. В 2015 году на русском вышла книга директора Института новейшей истории Сербии Миле Белаяца «Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны»⁵. Белаяц показал, как столетний юбилей сараевского выстрела Гаврилы Принципа тяжеловесы исторической науки Англии, Франции и Германии встретили в состоянии трогательного компромисса, перекрестно сняв или минимизировав вину своих стран в *La Grande Guerre*, а основными поджигателями сделав Сербию и Россию.

Перед тем, как начать основной раздел книги, посвященный событиям девяностых, Хартманн приводит мнение ряда немецких историков, политологов и журналистов о внутренних причинах югославского кошмара, без которых любое внешнее вмешательство, конечно, не привело бы к тем результатам, к которым оно привело. Помимо понятных этнических, религиозных и социально-психологических причин, отметим оригинальную версию о том, что Югославия была... слишком успешна. Югославский социализм и социалистическое общество были успешнее, демократичнее, плюралистичнее, гибче и поэтому крепче, чем в странах Варшавского договора. Поэтому и ломать их пришлось отнюдь не «бархатными» методами. Здесь, правда, возникает вопрос, заданный и Хартманном — кто был субъектом «слома», некие внутренние силы или, опять-таки, внешние.

Наконец, сам основной раздел, отдельные «эксклавы» которого встречаются в книге, структурированной довольно свободно, и раньше. Штрихи яркие, местами ужасающие. Перед нами трогательное единство немецкого политического класса относительно необходимости развала Югославии и признания Хорватии со Словенией, причем социал-демократы едва ли не активнее христианских демократов. Особое мнение, мгновенное клеймимое как «невероятное» и «отвратительное», лишь у наследующей СЕПГ

⁵ *Белаяц М. Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны. М., 2015.*

Партии демократического социализма да отдельных чиновников вовлеченных ведомств типа МИД. Ведущие издания, то называющие Югославию «*историческим выкидышем, созданным версальским диктатом*», а сербов «*наследниками Чингисхана*» и «*учениками Хусейна*», то изображающие их на карикатурах «*в виде валяющихся свиней, мутантных быков, хищных волков, кровожадных ящеров, змей с раздвоенными языками, стервятников, жрущих падаль, голодных гиен и здоровенных бойцовых собак*» — сохранить хотя бы нейтралитет, опять-таки, смогли немногие.

Вопиющие двойные стандарты — поощрив отделение Словении с Хорватией и намереваясь проделать то же самое с Боснией, немцы, однако, всячески препятствовали встречному желанию самоопределиваться боснийских сербов, ведь Босния «*уникальное мультикультурное общежитие — образец для всей Европы*» и его надо обязательно сохранить, разумеется, с доминированием мусульман. Оторопь международных организаций, европейских и заокеанских союзников — Буш-старший, не стремившийся к безоговорочному «*умножению на ноль*» ни СССР, ни Югославии, прекратил регулярные телефонные разговоры с германским канцлером Коелем, а представитель США в ООН Томас Пикеринг с очевидной яростью провозгласил «*рождение великой державы Германии*». Помощь хорватам и боснийским мусульманам оружием, а затем, когда союзники по НАТО решили «*если безобразия нельзя предотвратить — его надо возглавить*» — наращивание участия в общих интервенционистских действиях. Сначала это участие активнейшее, но вспомогательное, затем, уже после Дейтонских соглашений, бундесвер напрямую вовлечен в их обеспечение, а в 1999 г. последние моральные и юридические препоны сняты — немецкие самолеты в авангарде бомбящих Белград.

Здесь, как ни странно, ближе к концу рецензии, скажем несколько слов об авторе. Он не просто немец, а немец восточный, и не просто восточный немец, а бывший кадровый дипломат ГДР, работавший в Югославии тринадцать лет, из них последние шесть — в качестве посла. Чувствуется, что ему, мягко говоря, крайне неловко за действия своей страны, а к сербам он испытывает нескрываемую симпатию, что даже приводит к некоторым упрощениям концепции, пусть и некритическим. Но и это не все — на еще более глубоком уровне сложно избавиться от ощущения, что объединившаяся путем аншлюса ГДР Германия для Хартманна, в общем-то, и не стопроцентно *своя страна*.

Не такими уж абсурдными были многократно осмеянные слова Эриха Хонеккера о появлении самостоятельной «социалистической немецкой нации», пусть эта нация и покоилась на фундаменте более давних расхождений и несходств между Востоком и Западом Германии. Еще на йоту понятнее становится и феномен «остаальгии», и высокие результаты, получаемые в восточных землях партией «Левые» и правой, но тоже оппонирующей центристской системности «Альтернативы для Германии». Понятнее становится и соцопросы, согласно которым на Востоке Путин едва ли не популярнее Меркель. Кстати, сама фрау канцлер на днях, поздравляя соотечественников с очередной годовщиной объединения, признала, что до конца оно так и не произошло. Не только Хонеккер, выходит, отчасти был прав — еще и Гюнтер Грасс, пытавшийся перекричать шумную эйфорию от падения Берлинской стены предложением вместо поглощения Востока Германии ее Западом создать конфедерацию с многолетним сроком сближения. Вот так «Честные маклеры» позволяют кое-что понять не только о внешней политике современной Германии, но и о внутренней, я бы сказал — о немецком нутре.

Послесловие к книге написал последний министр иностранных дел ГДР Оскар Фишер. Но еще до произнесения им абсолютного верного тезиса «гибель ГДР ускорила кризис в Югославии» я задумался о взаимосвязи и обратном отражении вех и явлений на этом участке карты и истории.

В 1877–1878 гг. Россия очень дорогой ценой, большой кровью купила далеко не полное, но освобождение южных славян, не получив взамен практически ничего. Да, воевали, как считалось, в первую очередь как раз за освобождение, а не за геополитические трофеи, но уж слишком кричащим получилось соотношение потерь и приобретений, хотя просто стоявшим в стороне державам досталось явно больше. В формировании этого кричащего соотношения весьма активно поучаствовала Германия. А спустя сто с небольшим летом Российская империя в новых, хотя к тому моменту уже старых и разодранных советских одеждах дала добро на объединение Германии по самому невыгодному и для России, и для Югославии, и для немалой части немцев сценарию. Можно сказать, что это была не Россия как таковая, а ее едва ли не самое бездарная и предательская за всю историю верхушка («едва ли» — потому что, увы, есть серьезные конкуренты). Это будет важное уточнение, но слабое утешение. Теперь уже косвенно

сербы, да и другие югославыне дорого заплатили по нашим сче-там. А если вспомнить, что предыдущее германское объединение случилось всего за семь лет до Берлинского конгресса, и опять же с одобрения России, сплетение получится еще более замыслова-тым.

Сейчас ведомая Германией Европа и США, в общем русле, но каждый на свой салтык и с мыслью о своих интересах, стремят-ся окончательно закрепить отделение Косово от Сербии, и есть подозрение, что может опять не обойтись без крови. Россия хо-рошо если была бы в этот момент по-горчаковски сосредоточен-ной, но на деле она рассредоточена едва ли не сильнее, чем в пе-рестройку. Остается лишь догадываться, что про текущий момент напишут в книгах тридцать лет спустя, смутно подозревая, что от-вет уже есть в книгах о том, что было тридцать лет назад.